



**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ДЕНЬ КУРКА

Сергей Иванович Зверев
День курка
Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6353635
Зверев С. И. День курка : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67669-9

Аннотация

Бывший «морской котик» Евгений Черенков подрабатывает на сочинских пляжах кладоискательством: с помощью специального оборудования ищет старинные монеты и потерянные отдыхающими ювелирные украшения. Однажды он находит в песке массивную золотую цепь с бриллиантами, и уже на следующий день начинаются проблемы. К нему «подкатывают» братки местного вора в законе и настоятельно рекомендуют вернуть украшение. Евгений без разговоров выполняет требование бандитов, но неприятности на этом не заканчиваются. Вор в законе предлагает «морскому котик» принять участие в подпольном турнире пловцов, и по тону криминального авторитета Евгений понимает, что отказаться от предложения нельзя...

Содержание

Часть первая	4
Пролог	4
Глава первая	15
Глава вторая	30
Глава третья	42
Глава четвертая	53
Глава пятая	64
Глава шестая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Сергей Зверев

День курка

Часть первая

Прибыльное дело

Пролог

Тихий океан; Республика Островов Фиджи; остров Тотоя Около месяца назад

– Итак, господа, наступает час полуфинального раунда «Регаты»! Прошу делать ваши ставки!.. – прокричал в мегафон пожилой толстяк в полосатых шортах, сидящий на высоком барном табурете. Фраза была произнесена по-английски, а затем продублирована на немецком, французском, итальянском и русском языках.

После громогласного объявления по толпе прошла волна, и слышался взволнованный гул, словно кто-то потревожил пчелиный улей.

Несколько человек, одетых соответственно жаркой тропи-

ческой погоде, решительно двинулись к столикам, стоявшим в глубине широкой ютовой площадки. За столиками сидели букмекеры с сухими бесстрастными лицами и принимали ставки. Однако большинство участников игры еще не определились с выбором и присматривались к желающим участвовать в предпоследнем раунде «Регаты»...

Четверо полуфиналистов сидели в плетеных креслах, установленных в специальной отгороженной зоне. Вход в зону разрешался только участникам «Регаты Баттерфляй» и нескольким членам каждой из команд: хозяину игрока, начальнику охраны, врачу и массажисту.

Фигуры у всех полуфиналистов были атлетические, собственные спортсменам, и прежде всего пловцам: приличный рост, накачанные мышцы плечевого пояса, бычья шея и сильные бедра. Однако, судя по внешнему виду, психологическое состояние крепких парней оставляло желать лучшего: сутулившиеся спины, опущенные плечи, безвольно висящие руки. Все четверо уставились в деревянную палубу; во взглядах не было ничего, кроме усталой обреченности и страха...

– Активнее, господа, активнее! – подначивал толстяк. – Ставки принимаются только до двенадцати часов! У вас осталось ровно двадцать минут!..

С началом полуфинала действие переместилось в центральную акваторию обширной лагуны, занимавшей всю центральную часть острова, носившего официальное название Тотоя. Неофициально богатая публика именовала этот остров Акулым глазом. С высоты птичьего полета он и впрямь был похож на глаз исполинской акулы-убийцы.

В живописной лагуне бросили якоря около тридцати океанских яхт. Общая стоимость странной флотилии наверняка зашкаливала за полторы сотни миллионов евро. Тут были и круизеры, водоизмещением до пятнадцати тонн, и стремительные High performance boats – скоростные представительские катера, и Pilot house, и несколько солидных судов класса Mega yacht, длиной более ста футов.

Стоящие на якорях суда сосредоточились вокруг заграждения из стальной сетки, державшейся на поверхности благодаря ярко-оранжевым поплавкам. Сеть перекрывала доступ в замкнутое пространство округлой формы. На понтонах вдоль сетки с внешней стороны плавал кольцеобразный деревянный настил шириной в пару метров, по которому прохаживались несколько крепких парней, вооруженных автоматическими винтовками.

На палубах яхт под козырьками флайбриджей или под натянутыми тентами комфортно расположились зрители, вни-

мание которых было обращено к огороженной акватории. Скоро в импровизированной арене стартует очередное захватывающее зрелище, а пока за пределами ее поверхности лишь изредка появлялись плавники довольно крупных акул.

Больше всего народу собралось под козырьком просторной кормовой площадки самой крупной яхты, носившей название «Кайзер». В основном это были мужчины. Женщины если и мелькали на борту красивого и баснословно дорогого судна, то исключительно в зонах отдыха на верхних палубах: возле бассейна с водой изумрудного цвета, у расставленных в тени шезлонгов или же у полукруглой барной стойки с невероятным ассортиментом алкогольных и прохладительных напитков.

* * *

Тем временем у букмекерских столиков начинался ажиотаж: хозяева, финансисты и другие представители команд делали ставки. Голову каждого представителя украшала бейсболка цвета спортивной формы его команды, которую он обязан был носить на протяжении всего раунда – до тех пор, пока судьи не объявят победителей.

– Пятьсот тысяч на красного, – объявлял очередной участник, показав специальный номерок.

Клерк тут же стучал по клавишам ноутбука, перебрасывая часть внесенной участником суммы на поле красного игро-

ка.

– Ставка принята, – бесстрастным голосом объявлял букмекер и переключался на следующего участника – без цветной бейсболки на голове, что свидетельствовало о принадлежности к касте почетных гостей или зрителей.

Подойдя вплотную к столу, тот пару секунд медлил. Затем, решившись, показывал номер, присвоенный ему после внесения вступительного взноса для участия в «Регате»:

– Все на синего!

– Всю сумму, вместе с выигрышем? – спокойно переспрашивал «клерк», подняв взгляд.

– Всю!

Равномерный стук клавиш, – и огромная сумма уходит в синее поле...

Следующие участники ставили на желтого или черного. И снова на красного или синего...

На этот раз явных фаворитов в «Регате Баттерфляй», увы, не было. Оттого представители команд и медлили со своим выбором.

– Господа, до начала полуфинального раунда осталось десять минут! – разнесся над акваторией голос толстяка в полосатых шортах. Сменив мегафон на портативную рацию, он приглушенно спросил: – Участники полуфинала готовы?

– В процессе, – прохрипел динамик приемо-передатчика.

– Через пять минут они должны стоять на краю палубы.

– Понял...

* * *

– Участники полуфинального раунда приглашаются к трапу! – прокричал в мегафон толстяк в полосатых шортах.

Четырем парням, уже одетым в легкие отдельные неопреновые костюмы, помогли дойти до края ютовой площадки и спуститься по трапу на кольцевой настил. Как и плавки, цветовая гамма костюмов соответствовала цвету, выбранному командой: один был красным с парой коричневых вставок; второй ярко-синим; третий ядовито-желтым, последний – черным с белыми вертикальными клиньями по спине.

Все четверо по-прежнему выглядели не лучшим образом: напряжение, испуг, трясущиеся руки. Каждый сжимал побелевшими пальцами подводное пневматическое ружье, к бедрам были пристегнуты ножи.

На кольцевом деревянном настиле каждого пловца готовили два члена команды. Один массировал мышцы спины, другой помогал нацепить на ноги ласты, проверял крепление маски...

– Двухминутная готовность! – снова протрубил главный организатор.

Аквалангов в снаряжении участников не было. Только дыхательные трубки, прикрепленные к ремешкам масок.

– Напоминаю о правилах полуфинального раунда, – не

умолкал ведущий. – В центре огороженной акватории плавают два оранжевых ватерпольных мяча. Все участники стартуют с различных направлений, достигают центра «арены» и борются за мячи. Два полуфиналиста, сумевшие первыми доставить мячи к трапу, признаются победителями. Проигравшая пара из «Регаты» исключается. Имеющееся оружие – единственный гарпун и нож – каждый полуфиналист использует в любое время и по своему усмотрению. Правила понятны?

Толпа на ютовой площадке одобрительно загудела.

– Участникам занять места для старта!

Крепкие парни в сопровождении секундантов распределились по кольцеобразному деревянному настилу.

– Готовы к началу раунда?

Пловцы подали сигнал о готовности, подняв правые руки.

Зрители, словно по команде, начали дружно скандировать:

– Десять, девять, восемь, семь...

Толстяк в полосатых шортах потянулся к висящей рядом рынде.

– ...Три, два, один!

Рында издала звонкий удар.

– Начали!

Растерянно оглянувшись на гудящую толпу, молодые мужчины словно не по своей воле плюхнулись в воду.

В снаряжение пловцов организаторы турнира намеренно не включили дыхательные аппараты, ибо по правилам «Регаты» основное действие должно было происходить не глубоко под водой, а на поверхности. Недаром же вокруг огороженной заводи собрались многочисленные зрители! Все оплачено, и зрелище обязано стать захватывающим.

Едва пловцы оказались в воде, как несколько крупных акул, находящихся вне огороженной акватории, оживились. Скорость темных спинных плавников, рассекающих поверхность воды, увеличилась; движение особей стало непредсказуемо. Чистейшая вода в лагуне, отсутствие ветра и волнения на поверхности позволяли всем находящимся на яхтах лицезреть изменившееся поведение хищников. Однако сейчас внимание зрителей было приковано к пловцам, защищенным от крупных хищников прочной стальной сетью. Главное действие происходило именно там.

Трое из четверых участников полуфинала рванули на максимальной скорости к цели. Этим троих будто подменили: секунду назад они тряслись от страха, выглядели уставшими, потерянными. А теперь гребли конечностями так, словно от двух ярко-оранжевых мячей зависели их жизни.

Последний пловец, одетый в черный неопреновый костюм с белыми клиньями на спине, отчего-то не торопился и избрал другую тактику. Заняв позицию между центром округлой акватории и трапом, находящимся точно против «Кайзера», он ушел на небольшую глубину и принялся ждать...

Троица меж тем подходила с трех направлений к качавшимся на мелких волнах мячам.

Метра за три до цели один из них резко ушел под воду и, подкорректировав курс, поднял пневматическое ружье...

По мере приближения развязки волнение публики, собравшейся вокруг «арены», нарастало. Зрители, члены команд, судьи выстроились цепью у леерных ограждений судов и внимательно наблюдали за ходом раунда. Изумительная прозрачность воды позволяла видеть каждое перемещение и оценивать каждое действие игроков.

Промежуточная развязка в центре огороженного пространства наступила спустя несколько секунд.

Мячами без труда завладели два пловца. Первый был в красном костюме с коричневыми плечевыми вставками, второй – в костюме ядовито-желтой расцветки.

Выстрела-щелчка пневматического ружья никто из зрителей не слышал. Вытолкнутый поршнем гарпун за мгновение преодолел короткую дистанцию и вонзился в тело игрока желтой команды.

Остановившись и упустив мяч, тот согнулся пополам. Стальной гарпун вошел под углом в правую сторону грудной

клетки. Схватившись за него руками, полуфиналист-неудачник всплыл на поверхность и начал судорожно хватать ртом воздух. При этом замкнутое пространство между яхтами наполнилось хрипами и криками о помощи.

Не тут-то было. По правилам «Регаты» медицинская помощь участнику могла оказываться только после сигнала об окончании раунда.

Удачливый стрелок в ярко-синем костюме бросил ненужное ружье, схватил потерянный мяч и двинулся к трапу...

Тем временем полуфиналист красной команды набрал хорошую скорость и на всех парах приближался с заветным трофеем к трапу, не замечая поджидавшего на глубине полутора метров соперника в черном костюме.

Гарпун вошел в живот в тот момент, когда он проходил точно над ним. И снова остановка, конвульсии, стоны, крики о помощи...

А два счастлиwickа, завладевшие мячами для водного поло, во весь опор плыли к назначенному финишу, что располагался точно против яхты под названием «Кайзер».

Спустя несколько минут на ее кормовой площадке ликовали две команды-победительницы: «черная» и «ярко-синяя». А на деревянном кольцевом настиле у раненых пловцов колдовали врачи.

Парню в ядовито-желтом костюме повезло.

– Немного задето правое легкое, – вынес вердикт один из докторов команды. – Через пару недель оклемается.

Пловец поднялся и под аплодисменты зрителей сумел дойти до «Кайзера» самостоятельно.

С игроком «красной» команды дело обстояло хуже. Под его истошные крики два врача с трудом извлекли из брюшной полости зазубренный гарпун, сделали пару инъекций обезболивающих препаратов и долго осматривали рану.

Затем пожилой врач поднялся с колен и негромко сказал стоявшему рядом владельцу команды:

– Повреждены печень и кишечник. Обильное внутреннее кровотечение.

– Выживет? – равнодушно спросил тот.

– Нужна срочная операция. Иначе не протянет и двух часов, – вздохнул врач и вопросительно посмотрел на владельца.

– Нет, – качнул тот головой. – Я не буду ради него снаряжать самолет. Заканчивайте...

Пловец истекал кровью; обезболивающие препараты не помогали, и он продолжал стонать.

Врач кивнул парням из «красной» команды. Подхватив неудачника, те сбросили его в воду за пределы огороженной акватории.

Спустя минуту вода в этом месте «закипела» от нашептывания множества голодных и зубастых хищниц.

Глава первая

Российская Федерация; Сочи

Настоящее время

Вчера, возвращаясь с берега в сочинский «дефолт-сити», я впервые заметил этих странных людей.

«Что за интерес к моей персоне? – ускорил я шаг. – Совпадение? Или опять конкуренты?...»

Лучше бы совпадение, ибо разборки с конкурентами утомили еще год назад.

Три молодых парня, одетых в спортивные костюмы, двигались в попутном направлении от самого пляжа. Они выдерживали постоянную дистанцию в полсотни метров, не приближаясь и не отставая.

Я решил проверить, следят ли они за мной, и, нырнув в подворотню, перемахнул через забор. Маневр благополучно вывел меня на соседнюю улочку. А через полминуты вдали снова появились три силуэта...

Сомнений не было – незнакомцев интересовал именно я. Кто они, с какой целью следят и на кой черт я им сдался – предстояло выяснить.

Приводить «хвост» к дому не хотелось. Вероятно, адрес моего проживания троица крепких парней и хотела выяснить в первую очередь. Посему я предпринял еще один

финт, завернув в маленький дворик-колодец и тут же исчезнув за третьей по счету дверью.

Год назад, во время поисков жилья, мне довелось побывать в этом доме. Помню, тогда поразила его невероятно запутанная планировка: длинные кривые коридоры с множеством входных дверей как со двора, так и с улицы; десятки комнатушек, проходная общая кухня...

Одним словом, я знал, куда идти, а мои преследователи наверняка здесь никогда не бывали. Этим обстоятельством я и воспользовался. И спустя несколько минут, убедившись в отсутствии слежки, спокойно направился к своему жилищу...

* * *

Над черноморским побережьем сгустились сумерки. В Сочи и соседних поселках зажигаются желтые огни фонарей с подсветкой уличной рекламы, тлеют уютным светом окна квартир и частных домишек. Это означает, что мне пора на работу.

Подхватив чехол с инструментом, покидаю комнату во флигеле, спускаюсь по плиткам дорожки к калитке и бесшумно выхожу на улицу. От соседнего квартала доносятся пьяные голоса отдыхающей компании, мимо с задорными криками проезжают малолетние велосипедисты, чуть выше на лавочке бренчит гитара...

Я живу в «дефолт-сити» – одноэтажном частном секторе за линией Курортного проспекта. «Гетто», «шанхай», «олимпийская деревня», «дахау»... Как только не называют местные жители этот гадюшник. Но мне почему-то больше нравится «дефолт-сити». Современно, красноречиво и точно. Особенно первая часть названия.

Мне привычны звуки летнего курортного города. Вначале некоторые из них настораживали. Теперь показалась бы враждебной тишина, потому что вся эта какофония вселяет уверенность: жизнь продолжается, «гвардия» отдыхающих пополняется. А значит, я не останусь без работы и денежного вознаграждения.

Я снимаю скромную комнату во флигеле частного дома на Учительской улице – всего в пятистах метрах от первой линии пляжей. Десять минут спокойной ходьбы под горку. Правда, приходится пересекать оживленный Курортный проспект и территории двух отелей. Однако эти препятствия не стоит рассматривать как серьезные, ведь на пляжи я хожу в позднее время и исключительно ради работы. Отдыхающий народ к этому часу уже переместился в кафе, рестораны, ночные клубы. А пляжи – мой рабочий полигон – пустеют. Исключение составляют разве что любители ночного купания. Их сравнительно мало, и они не мешают процессу.

Спускаюсь по кривой улочке. На мне темно-серая футболка, черные шорты и такие же черные кроссовки. Реклама и яркая одежда в моей работе ни к чему. С ментами я кое-как

нахожу контакт, криминал моим промыслом не интересуется, а с мелкой шантрапой у меня разговор короткий. Пару раз особо дерзким я настучал по головам, и с тех пор они близко не подходят. А иногда, повстречав меня в городе, даже вежливо здороваются.

Курортный проспект позади. Это единственное хорошо освещенное место по пути к трудовому полю. Далее видна плохо освещенная зона многочисленных отелей. Их хозяева – настоящие жлобы и экономят электричество. Нормально освещены лишь главные входы да ведущие к ним аллеи. Впрочем, темнота – мой союзник, и я не в обиде.

Последний рывок по аллеям парка имени Фрунзе, и я выхожу на пляж.

* * *

Настала пора представиться. Я – Черенков Евгений Арнольдович. Рост – два метра и еще несколько сантиметров. Но длинным назвать меня сложно. Чаще называют огромным, потому что вес мой около ста двадцати килограммов, и рассредоточен он достаточно равномерно ниже головы. Про таких, как я, в девяностые годы говорили: братик-квадратик.

Что еще сказать о себе? Бывший капитан первого ранга, бывший боевой пловец, бывший командир специального отряда «Фрегат-22». Бывший, бывший, бывший... Увы, но волна «реформ» докатилась и до подразделений, находив-

шихся в прямом подчинении директора ФСБ. Волна была очень высокой и смыла тонкий слой оставшегося здравого смысла. В итоге меня и моих коллег вышвырнули со службы с формулировкой «Уволить в запас в связи с сокращением и реорганизацией внутренней структуры Федеральной службы безопасности...»

Когда нашим чиновникам приспичит, они все делают молниеносно. Процесс увольнения и расчета занял не более двух недель, в результате все мы оказались на улице. Мне и другим ветеранам отряда, уже имевшим приличную выслугу, относительно повезло – нам начислили пенсию. Более молодым коллегам просто помахали ручкой, сказав: «Годы службы вам зачтутся в трудовой стаж. Свободны. Если понадобится – мы вас найдем...»

Вряд ли после подобной «обходительности» парни согласятся вернуться на государеву службу. В конце концов, в нашей стране полно всевозможных коммерческих структур, деятельность которых так или иначе связана с подводным дайвингом. Любого из моих пловцов они возьмут с удовольствием, ведь они готовые инструкторы, прошедшие огонь, воду и концерты медных труб. В общем, настоящая находка для таких компаний. Плати нормальные деньги и используй бесценный опыт на полную катушку.

Поначалу я даже не осознал глубину той пропасти, куда угораздило наверхнуться. Еще бы! Только вчера поверх отглаженной кремовой рубашечки надевал черную тужурку с че-

тырьмя рядами орденских планок и имел полное право пользоваться голливудской улыбкой. А сегодня – простой московский безработный.

Не желая навсегда расставаться с подводными глубинами, я тоже отправился на поиски подходящего работодателя. За полтора месяца поисков пришлось побывать в трех десятках компаний, организующих морские путешествия, рыбалку, подводные экскурсии... но довольно скоро пришло разочарование. Где-то дайверская работа подменялась службой обыкновенного спасателя (или что-то вроде этого), где-то платили копейки, оскорбляющие самую суть опасного занятия, где-то сидели мутные люди, не решившие, что и кто им нужен. Некоторые менеджеры по кадрам, глянув мои документы, заявляли: «Извините, но вам под сорок, а нам нужен молодой специалист...» А чаще ссылались на отсутствие свободных вакансий и предлагали позвонить через месяц-два, а лучше через полгода...

Однажды повезло – я наткнулся на объявление известной московской кинокомпании, планировавшей снять крутой боевик. Часть действий по сценарию происходила под водой, поэтому режиссер искал соответствующих профессионалов. Я пришел, представился, полчаса побеседовал с одним из ассистентов. В итоге взяли в качестве консультанта и каскадера; несколько месяцев я принимал участие в съемках на теплом крымском побережье. А потом съемки закончились, и мне тоже помахали ручкой: «Понадобитесь – позво-

ним». Пришлось снова отправиться на поиски...

* * *

Один из местных пляжей. Место моей работы.

Если вы думаете, что я служу ночным спасателем или сторожем, то ошибаетесь. К воде и к морским глубинам имела прямое отношение моя бывшая профессия. А в том деле, которым я занимаюсь теперь, меня больше интересует берег. Песчаный или галечный – без разницы. Ну и самую малость – полоса прибоя.

Вынимаю из чехла составные части металлоискателя и привычными движениями произвожу его сборку...

Это очень продвинутый и современный аппарат, предназначенный для профессионального использования. Я отвалил за него чуть больше сорока тысяч российских гульденов и ни разу не пожалел. Он снабжен мощным процессором, графическим анализатором цели и невероятно чувствительной катушкой, что здорово облегчает мою работу. Металлоискатель не только подает сигнал о наличии металла. Он определяет его тип: железо, золото или серебро, показывает глубину залегания и размер находки, а также подает специальный сигнал в том случае, если обнаруживает монеты или ювелирные изделия. В общем, незаменимая в нашей профессии штукавина.

Инструмент собран. Пристраиваю на лоб китайский све-

тодиодный фонарик. Тоже нужная вещица, дабы не наступить впотьмах на перебравшего с алкоголем отдыхающего. Пустую сумку закидываю на плечо, включаю питание металлоискателя и приступаю к работе...

Вот теперь вы не ошиблись. Я действительно живу тем, что брожу ночи напролет по сочинским пляжам в поисках потерянных ювелирных украшений, монет и прочей ценной мелочевки.

* * *

Вы спросите, как я дошел до такой жизни?

Все довольно просто.

Во-первых, до того, как меня вышвырнули со службы, я сумел овладеть единственной профессией. Профессией боевого пловца. Признаюсь, овладел я ею настолько хорошо, что считался одним из лучших спецов в России. А может быть, и на просторах всего бывшего Советского Союза. Короче говоря, оставшись без любимой работы, я вдруг понял, что кроме нее больше ни в чем не разбираюсь.

Во-вторых, занявшись поисками драгоценных металлов, я вдруг обнаружил, что при относительно малой трудоемкости этот промысел приносит солидный доход.

Наконец, третье и последнее. Должен признаться в том, что к данному ремеслу я пришел отнюдь не сразу. Чем только не довелось заниматься в поисках удачи и самого себя!

Пенсию мне назначили немаленькую, однако жизнь в столице имела одну поганую особенность: там чрезвычайно быстро заканчивались деньги. Месяца через три бестолковых потуг у меня иссякли скромные накопления, и надо было как-то разруливать ситуацию.

В общем, настало такое время, когда я был согласен на любую работу: перетаскивать из фур в подвалы коробки с коньяком, стоять у лотка, подметать улицы, охранять чужие склады...

Некоторое время я даже побыл в шкуре вольного предпринимателя. Предпринимал то одно, то другое, то третье... Правда, постоянно находился в глубокой рецессии, и все мои индексы, акции и активы, миновав отметку «ни хрена», продолжали затяжное пике.

В общем, днем где-то подрабатывал, вечерами затаривался алкоголем и бездумно пялился в телевизор, где по всем центральным каналам рассказывали о том, как в стране налаживается экономика и как здорово мне живется.

Я слушал этот бред и думал: «Хорошо бы проснуться, позвонить в колокольчик и спросить у дворецкого, подстрижен ли газон вокруг фонтана. Хорошо бы иметь счет в банке на кругленькую сумму – я бы даже не отказался платить с нее налог на роскошь...»

Так и существовал. Пока однажды не просадил все бабло с поразительной скоростью электропоезда «Сапсан» и в моей жизни не настал переломный момент. Знаете, такой занят-

ный момент, когда звонят из посольства Страны Иллюзий и сообщают, что ты гостишь у них достаточно долго и имеешь полное право получить гражданство. Одним словом, наступил критический рубеж, когда утром просыпаться совсем не хотелось, а ехать в Саратов и садиться на шею маме хотелось еще меньше.

Надо было что-то срочно менять, иначе я рисковал спиться или утонуть в болоте беспросветной нищеты. Купив на последнюю мелочь пива, я включил телик и стал думать, как исправлять положение. И тут на мое счастье по одному из каналов показали сюжет о парнях, занимающихся поиском утерянных ювелирных изделий на крымских пляжах.

Я вполне материалистично образованный инженер с пионерским прошлым и отдаю себе отчет в том, что золото – это обычный металл, элемент из таблицы Менделеева. Просто люди придают ему красивую форму и назначают бешеную цену за грамм. Ну, а раз так...

Мозг моментально спроецировал идею на мое бедственное положение, прикинул возможности, рассчитал затраты, рентабельность, норму прибыли...

Идея была глупая. Но красивая. И смелая.

– А что? – вопрошал я в квартирную пустоту. – Удача любит отчаянных. Не попробовать ли себя в этом дельце?

Это был реальный шанс не спиться и выбраться из болота. Загоревшись планами начать новую жизнь, я приступил к подготовке их реализации...

Вставив в правое ухо наушник, медленно иду вдоль линии прибойя, покачивая перед собой металлоискателем...

Я уже достаточно опытный кладоискатель – второй год занимаюсь добычей «пляжного золота и серебра» и знаю, что разыскивать ценности следует на двух участках: в зоне отдыха на сухом песке (или гальке), а также в зоне прибойя на влажном грунте и на мелководье.

Находки распределяются примерно так: около семидесяти процентов я нахожу на мелководье, остальное – на суше. Ежедневный улов в среднем составляет около десяти граммов золота, причем не только лома, но и украшений в отличном состоянии. Кроме золота регулярно попадают монеты на общую сумму до трехсот рублей. Если монеты долго находились в соленой воде, то они блеклые, «изъеденные морем». Продавцы в магазинах такие не берут, зато всевозможные автоматы принимают за милую душу. В моей съемной комнате стоит несколько трехлитровых банок этого добра; выходя из дома в свободное от работы время, я всегда прихватываю горсть монет и обмениваю их в автоматах на кофе, шоколадки и прочую мелочь.

К сожалению, на пляжах всегда присутствует огромное количество разнообразного мусора: пробки от пивных бутылок, ярлычки от банок, женские заколки, ключи, фольга от

конфет и сигаретные пачки. На все это чутко реагирует металлоискатель, и, дабы не заниматься напрасными раскопками, приходится в настройках отсекалть весь хлам. Хотя... некоторые отдыхающие имеют странную привычку прятать ценности именно таким образом. Однажды я нашел завернутую в фольгу стодолларовую купюру и с тех пор не ленюсь извлекать из грунта сигаретные пачки и фольгу.

Количество находок на сухом песке всегда приятно удивляет: золотые кольца и перстни, цепочки, браслеты, сережки... Часы, опять же монеты. В традициях наших отдыхающих на пляжах соотечественников оставлять на себе минимум одежды и максимум украшений. Умный человек в золоте купаться не ходит. Он знает, что при перепаде температуры более десяти градусов кровеносные сосуды резко сужаются. А чем массивнее кольцо или перстень – тем проще оно теряется. В воде с легкостью рвутся цепочки, расстегиваются сережки, слетают с пальцев кольца. Поэтому умный человек все это старается оставить на берегу, сунув в карман шорт, спрятав в пачку сигарет или завернув в покрывало. Позже об этих действиях он может забыть, и в итоге все потерянное достается мне.

Особенно большой улов случается на влажном песке в так называемой полосе прибоя – на участке, где морские волны сами собирают для вас потерянные ценности. Почему так происходит? Все довольно просто.

Во-первых, благодаря не слишком мудрым людям, кото-

рые идут в воду, не снимая золотых украшений. В воде они резвятся, ныряют, топят друг друга, гребут руками... В итоге золото остается в море, и поверьте, там его больше, чем на берегу.

А во-вторых, весь легкий мусор выносится волнами на берег, а крупные украшения из тяжелого металла концентрируются в небольшом углублении – особой прибойной зоне за валом или косой. Стоит лишь включить на металлоискателе особую функцию отстройки от минерализации грунта, и вперед!

В самые удачные периоды изысканий мне удавалось за неделю подзаработать до трех тысяч долларов. Ну а минимум составлял что-то около двадцати пяти тысяч российских рублей.

Протопав по пляжу не более пятнадцати метров, слышу в наушниках призывный писк.

Вот и первая находка! На дисплее указана приблизительная глубина залегания – двенадцать-пятнадцать сантиметров. Посмотрим, чем порадует берег сегодня...

* * *

Тот, кто захочет запечатлеть на камеру мою жизнь в течение последнего года, умрет от скуки. Вот Евгений Арнольдович идет в дешевый магазинчик за продуктами. Вот он в убогом арендованном жилище жарит яичницу. Вот топает с

инструментом на работу. Вот утюжит берег, а под утро возвращается домой и ложится спать...

Впрочем, у меня есть одна договоренность с любителями покопаться в чужом грязном белье: я не делаю ничего интересного, а они перестают меня преследовать. Спасает.

Чуть более года назад я переехал из Москвы в Сочи. С недельку подбирал дешевую и удобную комнату, еще столько же прикупал инструмент и готовился к работе. И приступил...

Поначалу не обошлось без проблем. Пару раз схлестнулся с конкурентами и оба раза доказывал право на свободный труд, применяя навыки из всевозможных единоборств. Однажды раскидал толпу малолетних подонков, решивших «показать мне, кто хозяин на пляже». Ну и конечно мое вхождение в здешний социум не обошлось без «теплого» участия местных ментов. Этих я предусмотрительно метелить не стал – с момента организации грандиозных строек на Красной Поляне сотрудников полиции здесь стало невыносимо много. Мы просто сошлись в цене за спокойную работу на берегу, и каждую неделю я тупо отстегивал одному из сотрудников пять тысяч целковых.

Так я начал новую для себя деятельность золотоискателя...



Небо на востоке начинает светлеть. Заканчиваю работу, разбираю металлоискатель, складываю пожитки в сумку и направляюсь в сторону дома...

Этой ночью мне удалось найти одно золотое колечко, тонкую цепочку с кулоном (опять же из золота!) и три десятка пятирублевых монет. Прямо скажем: негусто. Бывал улов и богаче.

За рабочую смену я прочесал приличный по площади пляж, ближайшей ночью отправлюсь на соседний, потом на третий, четвертый, пятый... Таким образом, сюда вернусь дней через десять – к тому времени коллекция потерянных вещей здешнего «лежбища» обязательно пополнится.

Покинув пляж, иду по направлению к своей улочке той же знакомой дорогой.

И вдруг, машинально оглянувшись, снова замечаю трех вчерашних парней в спортивных костюмах.

Глава вторая

Российская Федерация; Сочи

Настоящее время

Снова пытаюсь отвязаться от навязчивого «хвоста»: иду домой не кратчайшим маршрутом, а длинным и запутанным; специально выбираю кривые улочки и потемнее; повернув за очередной угол, резко ускоряюсь...

На ходу марш-броска по спящему городу перебираю в голове различные версии, касающиеся причин преследования. Вчерашняя беготня еще оставляла шанс на недоразумение, ошибку, случайность. Но сегодня все повторяется с удивительной точностью. Это настораживает, включает работу мозга на полную мощность и заставляет вспоминать, где и в чем прокололся. Когда и кому насолил...

На ум ничего не приходит. Человек я по сути мирный, зря никого не обижу. Да и вид промысла заставляет осторожничать, лишний раз не нарываться, не нарушать законов.

Наученные горьким опытом, крепкие парни держат дистанцию всего в тридцать метров и не отстают. Стоит нырнуть в какой-нибудь закуток, как они тотчас переходят на быстрый бег и оказываются поблизости. Сегодня уйти от них будет сложнее.

Прозрение пришло в тот момент, когда эти настырные

хлопцы заставили меня запрыгнуть на пожарную лестницу и взобраться по ее ржавым перекладинам на крышу старого двухэтажного дома. На крыше я затаился и лежал подобно обкуренной мыши, пока преследователи не пробежали мимо, затем в растерянности вернулись, постояли под воротной аркой, покурили...

«Стоп! – прикрыл я на пару секунд глаза. – А не по поводу ли той находки они меня пасут?..»

Да, скорее всего... Видимо, дело было в найденной дней десять назад золотой цепочке. Точнее тяжеленькой, витиевато сочлененной цепи из золота 958 пробы с вкраплением полусотни некрупных бриллиантов. На цепи болтался простенький латунный крестик, на который я даже не обратил внимания, когда откопал ценнейшую находку. Я настолько был поражен весом этого украшения, настолько был рад добыче, что вообще позабыл обо всем на свете. По моим прикидкам, ее стоимость превосходила совокупную цену всего того, что мне удалось отыскать на пляже за весь прошедший год.

Тогда – десять дней назад – я моментально свернул поиски и смылся с пляжа. Ценнейшую находку запрятал в укромном местечке на чердаке дома, где находилась моя комнатуха. И, поразмыслив, принял решение некоторое время не соваться с ней к знакомому краснодарскому ювелиру, которому несколько раз в год отвозил найденное на берегу золотишко.

И вот теперь, лежа на теплой железной крыше, вдруг явно осознал, почему за мной вторую ночь гоняются какие-то темные личности. В голове молниеносно созрела еще одна догадка: о золотой цепи с бриллиантами я сказал только одному человеку – другу детства Сашке Шестопалову.

С ним я случайно повстречался в Сочи всего неделю назад...

* * *

Сегодня, если бы меня заставили заполнять подробную анкету, ее начало выглядело бы так:

Семья – «прочерк».

Дети – «прочерк».

Родственники – «прочерк».

Судимости – «прочерк».

Даже в графе «друзья» и то почти равнозначный «прочерк».

«Почти», потому что в моей жизни все-таки оставался Жора Устюжанин и еще два-три дорогих для меня человека. Во время службы во «Фрегате» дружба с сослуживцами являла собой такое же естественное явление, как восход солнца или смена зимы весной. Ее наличие и крепость были обусловлены сложностью работы, постоянным риском, необходимостью без лишних слов понимать друг друга на глубине. Потом народ разбросало по разным уголкам страны. Теперь

мы изредка перезваниваемся, но до встреч доходит крайне редко.

Тем удивительнее и приятнее оказалось событие недельной давности, когда на улицах города я лицом к лицу столкнулся с другом детства. За одной партой мы, правда, не сидели (он на пару лет младше), но долгое время жили в одном доме на тихой улочке Саратова, были довольно дружны и входили в костяк одной компании.

Узнал я его сразу, хотя за прошедшие годы Сашка здорово изменился: располнел, стал солиднее, виски покрылись благородным налетом седины.

Мы расположились в одном из многочисленных летних кафе. Их здесь сотни, но я знаю несколько, где наливают по-настоящему хорошую водку, не травят просроченными продуктами и не обманывают при расчете. В общем, решили отметить встречу...

Шурик – так мы его звали в юности – и в школьные годы отличался завидной предприимчивостью: то впаривал сверстникам импортные сигареты, то перепродавал спортивные костюмы или кроссовки одной общеизвестной фирмы. Так и вела его эта жилка по жизни, превратив в довольно удачливого коммерсанта. Слушая рассказ Шурика о делах и бизнесе, я начинал реально понимать, что он запросто продаст соседний город, каждую из составляющих воздуха и ближайший понедельник в придачу.

– Начинал фарцевать, учась в универе, – смачно хрустел

он огурчиком, закусывая водку.

Посмеиваясь, уточняю:

– Начинал ты еще в школе.

– В школе было баловство! – хохочет он. – А на втором курсе универа взялся за дело серьезно: посадил на рынке тетку, каждую неделю гонял в столицу, закупал в «Лужниках» товар... Помню, пробная партия паршивых польских сумок разлетелась шустрее, чем депутаты из Москвы в преддверии Нового года. Потом арендовал магазинчик в полуподвале, стал расширять ассортимент...

– Да, ты всегда был целеустремленным парнем. Ну а сейчас?

– Сейчас сеть больших магазинов, налаженные поставки из Европы и Азии. Короче, жизнь сложилась. Вот прилетел на недельку отдохнуть в Сочи.

– Один или с семьей?

– С женой. Сын окончил первый курс университета и захотел отдохнуть в Таиланде. Ладно, что мы все обо мне?! Ты-то как? Я слышал, будто командуешь каким-то секретным подразделением, носишь большие звезды на погонах.

– Командовал. И носил. А теперь на пенсии.

– И чем же занимаешься?

– А-а... – махнул я рукой и принялся разливать алкоголь по опустевшим рюмкам. Не рассказывать же ему о ночных изысканиях на местных пляжах. Со стороны данное занятие выглядит, мягко говоря, сомнительно. – Пенсии, разумеется,

на жизнь не хватает. Поэтому перебиваюсь всякой временной работой.

– Неужели не смог устроиться по специальности? – недоумевает Сашка.

Невесело усмехаюсь:

– Был бы моложе – устроился бы. Мне скоро сороковник стукнет – кому я нужен?

– Ну не скажи. С твоим-то опытом работы! Я, к примеру, когда беру человека – на возраст гляжу в последнюю очередь.

– Было одно заманчивое предложение. В конце прошлого сезона приглашали занять должность начальника отдела одной крупной туристической компании. Случайно познакомился с их вице-президентом. Точнее, спас его вот на этом самом пляже, – кивнул я на полоску пестрой гальки.

– И что же?

– Ничего особенного. Оклад двести пятьдесят тысяч, полный рабочий день в офисе...

– Двести пятьдесят тысяч? – недоверчиво переспросил Сашка.

Я кивнул.

– А ты? – спросил он.

– Отказался.

– Как отказался? Вот так взял и сразу отказался?!

– Нет, не сразу. Секунд через семь.

– Но почему?! Двести пятьдесят штук – это неплохо даже по московским меркам!

– Не выгодно.

Обомлевший товарищ смерил меня насмешливым взглядом.

– Женька, ты в своем уме?

Подозвав Гарика – знакомого официанта, прошу принести еще графинчик водки. И озвучиваю приятелю элементарные расчеты:

– Вот послушай, что у меня имеется из одежды на сегодняшний день. Пара джинсов и две пары практичной обуви на каждый сезон. Пяток футболок и удобных свитеров. Зимний пуховик, демисезонная куртка и легкая ветровка. Ну, еще единственный приличный костюмчик, вынимаемый из гардероба раз в год: свадьба там, юбилей, похороны... Ему, к слову, лет восемь, а он все как новенький.

– Согласен, – кивает Шурик.

– А теперь прикинь, сколько и чего нужно для работы в офисе приличной компании. Как минимум четыре классных костюма, стоимостью по полтиннику каждый. И это только на два года, ведь эти костюмы – самая обычная рабочая одежда, используемая каждый день. А сорочки? Минимум дюжина сорочек – по три тысячи каждая. Туфли. Знаешь, почему сейчас брендовые офисные туфли? А в небрендовых туда нельзя. Часы, опять же минимум за сотню косярей. Портфель из кожи олигарха. Айфон. Айпад. А новое пальто? Ты считай, считай.

Слегка смутившись, приятель производил в уме подсче-

ты...

– То есть, чтоб явиться в офис этой компании, мне надо будет влезть в долг, – продолжал я сыпать аргументами. – Ты мне дашь полмиллиона с рассрочкой на год?

Шурик кисло улыбнулся. А я выложил очередные козыри.

– Допустим, дашь. Значит, я должен буду отдавать тебе по сорок штук в месяц. Но это еще не все. Теперь о машине. Живу я без нее и прекрасно себя чувствую. Но нельзя к парадному подъезду крутой компании, куда все подъезжают на своих тачках, пешком бежать от метро или вываливаться из битого жигулевского частника. И нельзя купить дешевый ширпотреб, в то время когда подчиненные будут разъезжать как минимум на «Хондах». А по автокредиту придется платить те же сорок штук в месяц. Плюс страховка, бензин и приятные встречи с дорожной полицией – это еще десятка в месяц. Согласен?

– Хотелось бы возразить, но трудно.

– Рубашки, кстати, надо стирать и гладить не по-домашнему, а как следует: чтоб сияло и стояло. Жены у меня нет, а сам я так не умею. Стало быть, придется отдавать в химчистку, где берут по две сотни за штучку; умножай на двадцать четыре рабочих дня. Пять тысяч. Ну, и что у нас получилось?

Вздыхнув, друг детства озвучил:

– Девяносто пять тысяч уйдет на совершенно ненужные для тебя вещи. На мундир, так сказать.

– Совершенно верно. На руки из двухсот пятидесяти, за минусом налогов, я буду получать двести семнадцать тысяч. Вычитаем девяносто пять. Получаем сто двадцать две. А сейчас у меня чистыми выходит минимум сто тысяч. То есть мне предлагается зарабатывать всего на двадцать две тысячи больше. Всего лишь за то, чтобы являться на службу в десять, а уходить – когда начальство отпустит. То ли в семь, то ли в девять, то ли в одиннадцать... А самое главное, Шура, чистая зарплата там наверняка не больше тридцатника, остальное: гранты, бонусы и премии. Но гранты имеют свойство внезапно кончаться, бонусы и премии – неожиданно срезаться. Хорошо я буду выглядеть со своими долгами!

– Мда-а, – задумчиво протянул Сашка. – А вот скажи, приличная зарплата офисного служащего – это всегда такой геморрой? Ну... такой, как ты обрисовал?

– Про «всегда» не знаю. Но в моем случае именно так. Поэтому и отказался...

Мои доводы убедили – это было видно по его растерянной физиономии. Но одна деталь заинтриговала.

– Ты упомянул о минимальном доходе в сто тысяч, – прищурил он левый глаз. – Это тоже неплохо по меркам замкадной России. Так чем же ты здесь занимаешься: частным извозом, вкалываешь на олимпийской стройке или работаешь в частном охранном агентстве?..

Я на мгновение призадумался. А чего ради скрывать от Сашки род своей деятельности? Он здесь не проживает, при-

ехал всего на неделю отдыха. Как приехал, так и уедет. А мы все-таки друзья детства...

По мере повествования о способах моего существования глаза собеседника все более округлялись, а брови забирались все выше ко лбу.

– Это правда? – изумленно переспросил он, когда я закончил.

– Истинная правда, – сказал я. – Зачем мне врать?..

– И сколько же ты находишь золота в неделю?

– Минимум на двадцать пять штук.

– А максимум?

– По-разному. Бывает до трех тысяч долларов. А иногда случаются и чудесные находки, стоимость которых зашкаливает за несколько десятков тысяч.

– Да ну?! И что же ты находил?

– К примеру, в конце прошлого сезона наткнулся на перстень с огромным брильянтом. Знакомый ювелир сразу заплатил за него двести тысяч рублей, а продал, думаю, раза в два дороже. Ну а три дня назад откопал в гальке цепь из золота высшей ювелирной пробы с вкраплением полусотни бриллиантов. Правда, относительно небольших. По самым скромным прикидкам, я выручу за нее более тридцати тысяч долларов.

– Охренеть, – откинулся на спинку стула Сашка. – Это ж надо?! Я за такие же бабки горбачусь по полгода, а тут купил миноискатель и...

– Металлоискатель, – поправил я. – И не все так просто, как кажется.

– Да, верно – металлоискатель. Слушай, – перешел он на шепот, – а показать свою находку можешь?

Поморщившись, я предложил встретиться в этом же кафе на следующий день.

Ровно через сутки мы сидели за соседним столиком.

– Принес? – шепотом спросил Сашка.

Оглянувшись по сторонам, я выудил из кармана джинсовых брюк увесистую цепь, положил ее на стол между тарелок с закуской. И пару минут с улыбкой наблюдал за обалдевшим приятелем, рассматривавшим мою находку...

* * *

Троица крепких парней опять меня потеряла. Это я понял по их растерянному виду, с которым они нервно курили в подворотне. Постояв и о чем-то пошептавшись, они побрели на улицу. Я же, выждав для верности минут десять, спокойно спустился по лестнице во двор, перемахнул через забор и вскоре был дома...

Пятый час утра. Небо за окном стремительно светлеет.

Сидя за столиком и поглощая простенький завтрак, я размышлял над тем, что предпринять в ответ на вражескую операцию «Барбаросса»...

Полагаю, я легко справился бы с троицей упырей, если

бы не бегал от них, а встретил бы в той же подворотне и схлестнулся с ними. Парни казались рослыми, мускулистыми и даже носили крутые спортивные костюмы. Однако сомневаюсь, что за их широкими плечами было такое же долгое и кропотливое изучение изошренных единоборств, какое пришлось пройти мне за двадцать лет службы. Скорее всего, ребятки тягали штангу и насиловали тренажеры в каком-нибудь местном подвальчике. А это, согласитесь, не одно и то же. Вопрос заключался в том, нужно ли вступать с ними в контакт? Или затаиться, подождать, чтобы выяснить намерения того, кто их послал?..

Впрочем, я догадывался, что хочет этот человек. Ему позарез требовался адрес моего проживания. А главной целью преследования была, конечно же, золотая цепь с россыпью бриллиантов. Будь она неладна...

Нет, так просто я с ней не расстанусь. Не для того я не сплю ночей и утюжу чертовы пляжи, чтобы потом раздавать находки налево и направо. Нашли мецената! Уроды...

– В общем, так, – сгреб я грязную посуду в раковину. – На две следующие ночи объявляются выходные. Надо отсидеться дома. Пусть побегают, поищут, выпустят пар. А там, может, все и образуется...

Глава третья

Российская Федерация; Сочи

Настоящее время

В съемной комнатке я проживаю один.

Да, я холост и ничуть об этом не жалею. Женатым довелось побыть всего однажды, и данного опыта мне хватило на всю оставшуюся жизнь. Точнее, мне казалось, что это был брак. На самом деле отношений мы не оформляли, и тем не менее находились под одной крышей, делили все поровну и на первых порах действительно любили друг друга.

Не скрою, поначалу мне нравилось «быть женатым». Салатики, милый-дорогой-единственный, выстиранные, выглаженные и аккуратно разложенные по полочкам шмотки, отсутствие в квартире мусора и пыли...

А через некоторое время мою «супругу» будто подменили.

Я относился к внезапно появившемуся долгу честно: купил ей тачку из средней ценовой категории; одел, обул, украсил золотыми цацками; свозил на золотые пляжи Средиземного моря. А у нее вдруг наступил капитальный расслабон.

Она бродила по магазинам и накупила горы шмоток. Часами болтала с подругами по телефону или просиживала с ними в ресторанах. Просматривала все подряд сериалы. И

ничего не делала по дому.

Круг ее домашних обязанностей был и так предельно сужен: закинуть бельишко в стиральную машинку, потом развесить для сушки, погладить; полить цветочки на подоконнике, соорудить утром бутерброд, вечером испечь на скорую руку блинчиков; иногда убраться. Все остальное время, если подружки были заняты делами, она грызла семечки и торчала в социальных сетях. Это были два ее излюбленных занятия.

Наблюдая за ней, я понимал: больше ей ничего в этой жизни не нужно. Она всем удовлетворена: увеличивающейся пропастью в наших отношениях, унылой работой за крошечную зарплату, комками пыли по углам, ворохом грязного белья в корзине, невымытой посудой...

В какой-то момент я вдруг заметил, что дней десять подряд ем на ужин пельмени «Столичные», а вечерами в постели только и слышу о том, как она устала. Похожая картина происходила и по утрам. Вместо салатиков я перешел на чай и бутерброд под названием «сделай сам».

Последней каплей стал какой-то предпраздничный день. Я приехал дико уставший и голодный с подмосковной базы «Фрегата», где проходили плановые учения с участием молодого пополнения. Дома жуткий срач, полные пепельницы окурков, горы невымытой посуды, грязища, в холодильнике шаром покати, а мадам опять развлекается по клубам с подругами по шейпингу.

Лег спать. Утром дал последний шанс, намекнув о завтраке.

И услышал порядком поднадоевший ответ:

– Дорогой, мне очень хочется поспать. Сделай сам, потом меня разбудишь. И завари кофе, как я люблю.

Постоял на кухне, поглядел в окно...

И принял единственно верное решение: вернулся в спальню, выдернул гражданскую женушку за ногу из-под одеяла и дал полчаса на сборы.

Она пыталась возмущаться. Не подействовало. Пробовала давить на жалость: плакала, просила прощения; клялась, что будет самой примерной женой...

Не поддался. А потом молча наблюдал за сборами и удивлялся, сколько же за короткое время совместной жизни она умудрилась закупить всякого барахла.

На том и закончился мой единственный эксперимент по созданию ячейки общества под названием «семья».

Все. С тех пор подружки младше двадцати пяти кратковременно поселяются на площади моей двуспальной кровати только в виде редких исключений.

* * *

Я действительно почти безвылазно просидел дома двое суток. «Почти», потому что выбегал на полчаса в ближайший магазинчик за пивом. Этим летом на сочинском побе-

режье стояла невыносимая жара. Днем в тени – под сорок, на солнце – «хроники Риддика». Горячий душ спасал лишь на короткое время, и я изнывал без холодного пива.

Вылазка удалась. В полуденную жару город пустел; по дороге в магазин и обратно повстречалась лишь молоденькая соседка из квартиры напротив.

Ну а поздним вечером пришла решимость вернуться к своему промыслу.

«Какого черта сидеть дома, подобно затворнику или заключенному? – выбирал я из скудного гардероба подходящие шмотки. – Да и успокоились, наверное, ребятки, две ночи подряд бесполезно промотавшись по пляжам и прибрежным улочкам...»

Небо стремительно темнеет, зажигаются желтые огни фонарей и подсветка уличной рекламы... Пора.

Подхватив чехол с инструментом, покидаю комнату во флигеле, привычно спускаюсь по плиткам дорожки к калитке и бесшумно выхожу на улицу. От соседнего квартала, как всегда, доносятся пьяные голоса отдыхающей компании. Малолетних велосипедистов сегодня нет, зато чуть выше по улочке опять бренчит гитара – стало быть, компания молодых людей в сборе. Стало быть, все нормально и чужих рядом нет...

Спускаюсь по хорошо знакомой кривой улочке. Впереди горит огнями Курортный проспект – единственное хорошо освещенное место по пути к моему ювелирному «цеху». Да-

лее видна слабо освещенная зона многочисленных отелей. Это хорошо, ибо темнота – мой союзник.

Территории частных гостиниц и аллеи парка имени Фрунзе позади. Выхожу на узкую пешеходную улочку, проложенную вдоль многочисленных пляжей. Оглянувшись по сторонам и не обнаружив слежки, поворачиваю вправо – к тому пляжу, где двое суток назад окончил свои изыскания.

Оставляю за спиной комплекс зданий гостиницы «Жемчужина». Вот и нужная мне полоска пляжа – чуть ниже Зимнего театра.

Снова оглядываюсь по сторонам...

Пусто. Ни единой души.

Бросаю на гальку сумку, расстегиваю молнию и в прекрасном расположении духа начинаю подготовку к работе...

* * *

Настроение резко поменялось буквально через десять минут. Едва я завершил первый галс и, развернувшись на сто восемьдесят, наметил ориентир для обратного курса, как где-то поблизости смачно захрустела галька под ногами нескольких человек.

Пригасив налобный фонарик, всматриваюсь в спускающихся сверху людей...

Черт... Кажется, это опять те парни из «плана Барбаросса». Те же трое, что бегали за мной две предшествующие но-

чи.

Чего же они хотят?

Впрочем, они направляются напрямиком ко мне. Может, это и к лучшему. По крайней мере, сейчас все выяснится.

Бросаю на гальку лишнее: металлоискатель, сумку.

Медленно разворачиваюсь навстречу марширующим молотцам.

И краем глаза в слабом отблеске горевших выше пляжной зоны фонарей замечаю резкую перемену в стане противника: скорость наступления падает, тупая злоба на перекошенных лицах сменяется опасливым сомнением.

Что ж, ожидаемая реакция. Я бы на их месте тоже засомневался в исходе сражения, заведев перед собой двухметрового дядю весом под сто двадцать килограммов. Причем этот вес сконцентрирован не там, где у большинства – на брюхе, а равномерно распределен по телу в виде рельефных мышц. Что бы там ни происходило в моей неудавшейся карьере, а физическую форму я старательно поддерживаю.

Оценив мои габариты и объемы мышц, лиходеи решают рассредоточиться и напасть одновременно с трех направлений. Вид у товарищей явно не парламентарский, и тянуть кота за хвост ни к чему.

«Что ж, на войне как на войне», – двинулся я навстречу.

Первым попытался нанести удар парень примерно моего роста. Крепкий, коренастый, темноволосый.

Его руку я встретил блоком и тут же ответил хлестким бо-

ковым в корпус. Брюнет отлетел в сторону, а мне пришлось тут же переключиться на его дружков, решивших заняться мной одновременно.

«Ладно, – сказал я себе, – и не с такими приходилось иметь дело!»

Обритый наголо гопник бурдючного телосложения находился слева и нанес удар ногой в мое бедро. Оппонент справа – двадцатилетний верзила в ветровке – целил кулаком в голову, но зарядил в своевременно приподнятое плечо.

Работая вторым номером, я показал лысому биндюжнику, как нужно использовать в единоборствах нижние конечности: крутанувшись, в нужный момент распрямил ногу, в результате чего мой кроссовок сорок шестого размера приложился аккурат к его челюсти.

Верзила тем временем наседал справа. Сократив дистанцию, он лихо размахнулся для удара, вероятно пытаясь напугать меня амплитудой.

Ну, это уже не смешно, граждане! Вы за кого меня держите?! Я же не мешок в зале для тренировки новичков! Нас – боевых пловцов – натаскивали не только для подводных батальи; помимо всего прочего, мы еще и неплохие диверсанты, умеющие без оружия противостоять настоящему спецназу на суше.

Нырнув под размашистый крюк, прикладываюсь к его печени, проверяя болевой порог. Сложившись пополам, верзила в ветровке мычит.

И это все, на что вы способны?

Внезапно рядом снова хрустит галька. Это хорошо, что единоборство происходит на галечном пляже. Слабые отсветы далеких уличных фонарей слишком слабо освещают здешний пляж, и чуткий слух теперь мой главный союзник.

Группируюсь и, быстро переместившись в сторону, оборачиваюсь.

Нет, это еще не все. Коренастый брюнет, пострадавший в нашей стычке первым, пришел в себя, выудил из кармашка ножичек и летит на меня с диким ревом кастрированного быка.

Перехватив руку с ножом, дважды бью коленом в грудную клетку. Захрипев, брюнет беспомощно оседает подобно перекурившему студенту. Нож остается у меня.

Вот теперь все.

* * *

За единственный проход вдоль пляжной полосы мой металлоискатель пропищал лишь дважды. После этого в кармане шорт сиротливо позвякивали две монеты достоинством по пять рублей – весь сегодняшний улов.

Смешно, конечно, но о продолжении работы я не думал. Надо было сматываться. И чем быстрее, тем лучше.

Спешно разобрав и упрятав инструмент в сумку, я взвалил ее на плечо и покинул галечный пляж. Теперь предстоя-

ло с максимальной осторожностью пробраться домой, а потом...

Потом я не знал, что делать.

«Затаиться на недельку-другую и пожить на нелегальном положении? Или свалить на курорты Черногории – погреть косточки на тамошних пляжах?.. – мучительно раздумывал я над вариантами действий, бесшумно передвигаясь окольными путями по полутемным улочкам. – А может быть, уехать на месячишко к маме в Саратов? Неплохая, между прочим, идея. Деньги имеются. Только от продажи золотой цепи с бриллиантами выручу столько, что год могу не думать о работе. Времени у меня теперь навалом, ибо спокойно бродить по пляжам не дадут...»

Переулок уперся в относительно широкую проезжую улицу. На Т-образном перекрестке я свернул влево, и мои размышления на том прервались. Метрах в ста я увидел два больших внедорожника и стоящих возле них крепких ребят.

«Черт! Неужели по мою душу?!» – шарахнулся я в сторону.

Парни не успели меня заметить. Осторожно, прижимаясь спиной к забору, я снова возвратился в переулок и легкой трусцой направился в обход опасного местечка.

Каково же было мое удивление, когда и на другой улице я едва не напоролся на дежурившую засаду. Два похожих по размерам автомобиля; толпа курящих амбалов, двое из которых поигрывали бейсбольными битами.

Пришлось искать другой путь...

* * *

Через час блужданий по ночному городу я пребывал на грани отчаяния. Все основные улицы, по которым пролегал путь к моему дому и к центру города, были наглухо перекрыты. В одном месте даже стоял автомобиль с работающим маячком, озаряющим ближайшее пространство таинственным синим светом.

Я сбился со счета, пытаясь хотя бы примерно оценить количество машин и широкоплечих молодцов, задействованных в операции по моей поимке.

«Мда-а. Ничего подобного наш город не видел со времен мятежа левых эсеров, – мрачно шутил я мысленно, перелезая через какой-то забор. – Только вертолетов не хватает и подразделений ОМОНа... Что ж они так всполошились-то из-за каких-то тридцати тысяч долларов?! Да вся эта операция обойдется хозяину потерянной цепи раза в два дороже!...»

Как бы там ни было, а дела мои обстояли худо.

Я метался по территории пяти-шести крошечных кварталов неправильной формы, ограниченных кривыми улочками, и не находил выхода. Перемахивал через какие-то заборы и старые гаражи, пересекал чьи-то частные дворики, нарывался на злющих собак и распугивал своим появлением

кошек. Я даже поднимался на крыши допотопных барачных домишек и пытался выскочить из оцепления верхом...

Ничего не получалось. Кругом стояли или медленно двигались подозрительные автомобили. Кругом патрулировали группы рослых ребяташек.

В какой-то момент я жутко пожалел о том, что район шанхайского вида, сплошь застроенный частными домишками и бараками, не оборудован канализацией. Сеть подземных тоннелей в данной ситуации мне здорово помогла бы...

Наконец, осторожно перебравшись по крыше одного из домов, я спрыгнул на тротуар безлюдной улочки. Ни слева, ни справа от меня не было перекрывавших путь к свободе автомобилей.

Возрадовавшись маленькой победе, я поправил на плече ремень сумки и побежал в противоположную от моря сторону.

Однако вскоре мой спурт был прерван: на ближайший перекресток вырулил громадный внедорожник. Остановившись посередине, он изрыгнул из своего чрева человек шесть.

Я не был готов к этой встрече. Пробежав по инерции шагов пять, я шарахнулся в сторону, но опоздал.

– Вон он! – крикнул кто-то из парней, и вся группа дружно рванула ко мне.

Развернувшись и перехватив покрепче сумку, я помчался в сторону моря. Благо, путь туда был пока свободен...

Глава четвертая

Российская Федерация; Сочи

Настоящее время

Через пару минут бешеной гонки по ночным улочкам одноэтажного Сочи я понял, что меня гонят к пляжам. Гонят, как затравленного и обложенного со всех сторон зверя.

Несколько автомобилей ехало по параллельным улицам в том же направлении, не давая мне свернуть в сторону. Сзади неслась толпа молодых накачанных мужиков, вооруженных бейсбольными битами, а возможно, и чем-то более серьезным.

И только впереди не было ни единой души. Словно невидимый организатор травли нарочно подсказывал мне направление.

«Ладно, берег так берег, – решил я, послушно приближаясь к полоске бесконечных пляжей. – Это для вас море выглядит тупиком и враждебной стихией. А для меня оно – второй дом...»

Проскакиваю освещенный Курортный проспект, по которому и слева, и справа уже несутся наперерез автомобили. Причем парочка из них оглашает округу завыванием сирены.

«Господи, да за кого они меня принимают! – возмуща-

юсь, перепрыгивая высокий бордюр и декоративное ограждение из подстриженного кустарника. – Я что, похож на агента вражеской разведки или на педофила?! Что-то я не пойму... Неужели вся эта возня из-за какой-то золотой цепочки?! Быть этого не может...»

Оппоненты меня не слышат. И немного запаздывают с перехватом. Еще несколько секунд – и я в сумрачной зоне частных отелей.

Машины преследователей одна за другой сворачивают в проулок между гостиницами. Бегущая сзади толпа на мгновение теряет меня из виду.

Мне от этого не легче – спрятаться на территории цирка, Миллениум Тауэр и гостиничного комплекса «Светлана» попросту негде. Здесь слишком мало укромных уголков. Кустарник, деревья, бассейны, фонтаны, беседки – не в счет. Плечистые ребята прочешут все это за четверть часа, и будет мне «счастье»...

Я знаю здешние места, как рельеф собственного лица. Это дополнительный бонус, дающий возможность увеличить дистанцию отрыва.

Пересекаю парк имени Фрунзе с большим «Колизеем» летнего театра посередине. И в парке для меня нет местечка, в котором бы я не бывал или не проходил мимо. Но, к сожалению, и здесь укрыться от погони не получится.

Остается берег. Может быть, там удастся ломануться в сторону? В какую именно – зависит от обстоятельств...

В два прыжка перелетаю пешеходную улочку.

Вот и пляж. На ходу осматриваюсь.

Увы, моим планам сбыться не суждено. И слева, и справа узкие полоски пляжей уже были освещены светом фар многочисленных автомобилей, участвующих в операции по отлову «особо опасного преступника». К тому же по пешеходной улочке и гальке ко мне приближались компании явно недружелюбного вида.

Секунда на размышление.

Лихорадочно оглянувшись, засовываю сумку под сложенные стопкой лежаки и бегу к воде.

Других вариантов у меня нет.

* * *

Уйдя под воду, держу курс строго от берега...

Мои натренированные легкие позволяют задерживать дыхание до четырех с половиной минут, а если очень надо, то и подольше. Это неплохо для статичного пребывания под водой. Но мышцы постоянно сокращаются, расходуя драгоценную энергию. Стало быть, придется показаться над водой минуты через четыре.

Отряд боевых пловцов «Фрегат», коим мне посчастливилось командовать, подчинялся руководителю одного из важнейших департаментов ФСБ и выполнял самые сложные задачи, которые только возможно представить. Все мы были

людьми особого склада. Обладали редкими навыками, невероятной закалкой, прошли сложную и длительную подготовку, прежде чем стать настоящими боевыми пловцами. Во времена исторического материализма таких, как мы, было около трехсот человек на всю огромную державу. Сейчас осталось не более сотни, что невероятно мало по сравнению с элитой сухопутных спецподразделений. Методика нашей подготовки являет собой тайну за семью печатями. Когда-то давным-давно – после трагической гибели крейсера «Новороссийск» – советским боевым пловцам приходилось учиться у итальянцев, немцев и англичан. Сегодня эти господа не прочь позаимствовать кое-что из наших технологий создания идеального подводного убийцы.

Всплыв, я невольно зажмурился от яркого света.

Обстановку на берегу оценить сложно. На пешеходной улочке, невзирая на запрет движения транспортных средств, выстроилось не менее дюжины автомобилей. Каких именно – разобрать невозможно. Все они развернулись к морю и врубили дальний свет, освещая прибрежную зону.

На фоне горящих фар хаотично перемещались темные фигурки людей, доносились громкие окрики, хруст гальки...

Мало что разобрав, я снова ухожу под воду. Моя голова наверняка маячит на виду у толпы преследователей, подобно единственному шару на хорошо освещенном зеленом сукне бильярдного стола. Так что лучше отойти подальше...

Плыву на глубине двух метров. Размеренно работая ко-

нечностями, изобретаю план дальнейших действий.

На ум ничего не идет, кроме единственной светлой идеи отойти от берега метров на пятьсот и повернуть вдоль него. На северо-запад или юго-восток – без разницы. На данном удалении проплыть километра два-три и десантироваться на сушу в спокойном темном местечке. Других вариантов нет. Не плыть же мне, на самом деле, в Турцию!..

* * *

Я в пятистах метрах от береговой линии. Волнение моря здесь почти не ощущается; я болтаюсь на поверхности и наблюдаю за тремя быстроходными катерами, мечущимися вдоль кромки моря.

На прежнем месте осталось всего три автомобиля. Остальные тоже рыщут по прибрежным дорогам, периодически сверкая ярким светом фар. Людей с такой дистанции видно плохо, но нетрудно догадаться, что и они также сосредоточились вдоль пляжей и продолжают поиски.

Ну да. Ждите. Суток через четверо я определенно устану и вылезу на берег. Километрах в ста отсюда.

Но, похоже, мои оппоненты ждать у моря погоды не собирались.

Спустя несколько минут к трем катерам присоединились еще два, а зона поиска заметно расширилась и отдалилась от береговой черты.

– Вот черт! – выругался я, заметив, как одно из маломерных судов с диким ревом двух подвесных моторов несется прямо на меня.

Пришлось опять нырять и подолгу торчать под водой, прислушиваясь к гулу движков, который то нарастал, то становился слабее.

В такой ситуации всплывать для прочистки легких затруднительно и опасно. Под водой точно определить направление на источник звука практически невозможно. В плотной водной среде звук великолепно распространяется на многие километры, и если неподалеку от тебя одновременно надрываются несколько мощных подвесных моторов, то понять, где и какой, невозможно. Тем более невозможно угадать дистанцию и в каком направлении движутся катера. Днем при условии терпимой прозрачности воды на помощь приходит визуальное восприятие. Ночью остается верить в удачу.

Всплываю. Дыша полной грудью, верчу головой.

Предосторожность была излишней. Моя болтающаяся на поверхности голова оказалась между двумя скоростными катерами. И если один шел вдали самым малым ходом, то второй взрезал волну острым форштевнем и мчал в моем направлении. А хуже всего было то, что на его флайбридже ярко светили четыре прожектора, бивших на приличное расстояние.

Я почувствовал себя голым на сцене Большого театра под всеми имеющимися в штате софитами.

«Заметили! – срочно ухажу под воду. – Как пить дать заметили, суки!..»

В правоте свой догадки я убедился спустя несколько секунд.

Ревущие над головой подвесные моторы резко сбавили обороты. Второй катер подкрался и застопорил ход поблизости.

Я застыл на глубине четырех-пяти метров и растерянно взирал снизу вверх на темнеющие на фоне освещенной поверхности днища маломерных судов...

* * *

В бассейне загородной тренировочной базы «Фрегата» я проходил стометровую дистанцию под водой ровно за одну минуту. Отличный результат. Тренер олимпийской сборной отдал бы многое, чтобы заполучить меня в команду. Да вот незадача – здесь не бассейн, я плыву не по ровной дорожке и для меня жизненно важно держать ситуацию под контролем.

Пока ситуация вполне устраивает. Несколько минут назад с двух зависших надо мной катеров в воду сиганули трое.

Наивные неандертальцы. Чтобы справиться со мной на глубине, не имея специального снаряжения и оружия, нужно быть как минимум опытными боевыми пловцами. А эти...

Заняв удобную позицию на фоне чернеющего дна, поднимаю голову и прекращаю всякое движение – экономлю рас-

ход кислорода. При этом отлично вижу мечущихся у поверхности придурков.

Выжидаю...

Ага, вот и первая жертва. Самый нетерпеливый набрал в легкие воздуха и устремился вниз – навстречу своему позору. Давай-давай. А-то я уж заскучал.

Пара мощных гребков, и дилетант в моих железных объятиях. Несколько секунд он суматошно дергается, но быстро понимает, что лучше этого не делать. Молоток. Правильно себя ведешь. За это я оставлю тебя в живых...

* * *

Я хорошо знаю, как происходит смерть человека под водой. Знаю, потому что несколько раз довелось испытать это на собственной шкуре. К счастью, без летального исхода.

Вначале тонущего человека охватывает паника: он неистово барахтается на поверхности, борясь за любую возможность вдохнуть глоток воздуха. Как правило, эта агония длится до шестидесяти секунд.

Оказавшись под водой, он задерживает дыхание и старается максимально долго сохранять в груди воздух. Нежелание расставаться с ним работает на уровне подсознания. Человеку словно кто-то внушает: выдохнешь и сразу умрешь.

Данная фаза длится до полутора минут. Но это только преддверие смерти.

Почему преддверие? Все просто.

По истечении полутора минут человек вынужден вытолкнуть из легких воздух, и мышцы грудной клетки рефлекторно срабатывают на вдох. Не полный, а совсем маленький. Крошечный. Потому что стоит первым каплям воды попасть в дыхательное горло, как бедолага инстинктивно начинает кашлять. И уже во время кашля вода наполняет легкие до отказа.

Сделав свое черное дело, попавшая в легкие вода блокирует газовый обмен в тонких тканях, после чего происходит ларингоспазм – рефлекс непроизвольного сокращения мускулатуры гортани. А это уже ледяное дыхание смерти.

Вследствие прохождения воды по дыхательным путям тонущий человек на протяжении нескольких секунд ощущает отвратительное и очень болезненное жжение в груди. Лишь после этого приходит чувство успокоения.

Умиротворение свидетельствует об уходе сознания от недостатка кислорода в крови и клетках головного мозга. Это критический момент, из которого погибающего еще можно выдернуть. Но пройдет от силы пара минут, и сердце остановится.

А следом умрет и мозг...

* * *

Паника у первой жертвы начинается гораздо быстрее, чем

я ожидал. От неукротимого желания втянуть порцию свежего воздуха за паникой начинает разрываться грудная клетка.

Еще крепче сжимаю объятия. А когда парня сотрясает первая волна конвульсий, отпускаю и подталкиваю к поверхности.

Все. Этот нахлебался и больше не представляет опасности. Надеюсь, его подберут товарищи с катера, ибо калечить и убивать я никого не намерен.

Высматриваю следующую жертву. Я по-прежнему в выгодном положении на глубине четырех-пяти метров. Запаса воздуха в моих легких осталось минуты на две. Думаю, этого хватит, чтобы вывести из строя второго отважного ныряльщика.

Один из «сладкой парочки» шныряет под поверхностью метра в семи. Второй барахтается почти над моей головой. Вот им-то я и займусь...

Стремительно подплыв, хватаю за одежду и утаскиваю на глубину. В отблесках слабого света вижу перекошенное от ужаса лицо.

«Страшно, приятель? – тащу его все дальше и дальше от поверхности. – Не бойся, я все сделаю быстро и аккуратно».

Он дергается, вырывается. Но все это не приносит успеха – я вцепился в него мертвой хваткой. Когда же он лягнул меня коленкой, пришлось успокоить буйный нрав резким ударом в солнечное сплетение.

Выпустив из груди остатки драгоценного воздуха и пере-

став сопротивляться, он глядел на меня выпученными глазами и, вероятно, готовился отправиться в ад.

Удерживая добычу, смотрю вверх. Освещенная лодочными прожекторами поверхность играет и искрится тысячами зеленоватых бликов. Днища двух катеров по-прежнему темнеют на некотором расстоянии друг от друга. Со стороны берега к ним медленно приближается третье маломерное судно.

Тяну пленника на поверхность. Пора всплывать, а то и вправду загнется. Да и мне не помешает прочистить легкие...

Глава пятая

Российская Федерация; Сочи

Настоящее время

Для передышки выбираю катер с неработающими подвесными моторами. Он не сорвется внезапно с места, и мне не придется шарахаться от его винтов.

Осторожно подвсплываю под его неосвященным бортом в районе кормы. Делаю несколько глубоких вдохов-выдохов.

Прислушиваюсь...

– Парни, он где-то здесь! – тонко верещит довольно молодой голос.

– Вынимай из воды Евсея... – кряхтит другой.

– Все в воду! – командует третий с поставленным голосом бригадира грузчиков. – Шеф приказал взять его живым!..

Последняя фраза добавляет оптимизма. И в то же время озадачивает: кто такой «шеф» и что ему от меня нужно?..

– Быстрее! Быстрее!! – подгоняет бригадир. – Иначе с нас скальп снимут!..

Как у них все серьезно!

Вновь скрывшись под толщей воды, легко ухожу от двух незадачливых пловцов, только что прыгнувших в воду и пока еще мало соображающих, кто есть кто. После чего сам перевоплощаюсь в охотника.

Ближе других оказывается длинноногий парень в ярко-желтых шортах; хватаю его за ногу и затаскиваю на пару метров ниже. Тот дрыгается так, словно попал в щупальца гигантского спрута.

Короткий удар в грудную клетку, и к поверхности уходит большой пузырь воздуха, принудительно извергнутый из легких.

Подождав, пока товарищ нахлебается водички, провожаю его наверх и высматриваю следующую жертву. А заодно оцениваю собственное состояние: смогу ли без передышки вывести из игры еще одного вражеского бойца?

Решаю попробовать...

* * *

Подводный поединок длится около четверти часа. За этот промежуток времени мне удастся вывести из строя человек семь или восемь. Каждого, после того как он нахлебается морской водички, я выталкиваю на поверхность поближе к одному из трех катеров.

Обмякшие и безвольные тела тут же подхватывают коллеги по облове и затаскивают на борт. Сомневаюсь, что после приведения в чувство эти «боевые пловцы» снова полезут в воду.

Разобравшись с последним парнем, иду наверх отдышаться, выбрав неосвещенный борт самого крупного катера. Его

покатые борта нависают над водой, и меня вряд ли кто-то заметит.

Дышу. Восстанавливаю силы. И жду очередного раунда.

Однако команда трех катеров почему-то не спешит отплавлять под воду следующую партию желающих.

Болтаясь под бортом, пытаюсь подслушать, о чем говорят находящиеся на его палубе люди...

Кажется, кто-то ведет переговоры по радиации. До меня доносятся жалкие обрывки фраз. Смысла уловить не получается из-за нарастающего гула работающих подвесных моторов.

Оглядываюсь по сторонам...

От берега приближается еще один катер. Четвертый.

«Похоже, эти ребята меня явно с кем-то попутали, – думаю я, прополаскивая рот соленой водичкой. – Да вот беда – мне от этого не легче...»

Катер со свежей подмогой закладывает лихой вираж, сбрасывает обороты движков и по инерции подплывает к трем собратям.

Дабы меня не заметили с прибывшего судна, на минуту скрываюсь под водой...

Отблески ярких прожекторов разбегаются в стороны от форштевня подходящего катера. Негромкий стук борта о другой борт. Есть контакт.

Выбрав местечко потемнее, вновь появляюсь на поверхности.

Теперь – при заглушенных движках – хорошо слышны

мужские голоса и рубленые фразы, исходящие из уст одного человека. Видимо, старшего этой отчаянной команды.

– Идиоты! Вас тут полтора десятка двухметровых жлобов, и вы не можете справиться с одним!..

«Ну, это с какой стороны оценивать, – мысленно оспариваю его аргументы. – Для новичков они смотрелись совсем неплохо. К моему «Фрегату» их близко не подпустили бы, а вот, скажем, в полицию или в народное ополчение – оторвали бы с руками...»

– Осмотреть борта! – продолжал наседавший невидимый грозный товарищ. – Не может же он без дыхательного аппарата все время сидеть под водой!..

«Вот тут я с тобой согласен», – сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, исчезаю под днищем катера.

От греха подальше....

* * *

Я ожидал чего угодно. К примеру, массированного десанта с палуб четырех маломерных судов. Или истощенной стрельбы по поверхности с противно шипящими в воде пулями, оставляющими за собой светлые росчерки из тысяч мелких пузырьков воздуха.

Но случилось другое. Буквально через минуту на некотором отдалении от катеров в воду шлепнулось несколько тяжелых компактных предметов. То, что они были тяжелыми,

я определил моментально по приличной скорости погружения.

«Что за фигня?» – пару секунд гляжу на исчезающие в сумрачной глубине предметы.

До них далековато и определить их назначение невозможно.

Внезапно осеняет догадка: «Гранаты!!»

Это плохо. А точнее, совсем плохо.

Нет времени выбирать укромное местечко для экстренного появления на поверхности. Мне нужно как можно быстрее высунуть из воды голову, иначе...

Не успеваю. Не хватает каких-то сорока-пятидесяти сантиметров.

Волна от первого же взрыва ударяет по телу с такой силой, что сознание мутнеет. За первым ударом следует второй, третий...

Наверное, был и четвертый. Я уже не воспринимал действительность и ничего не чувствовал. Я был в нирване...

* * *

Что происходило после подводных взрывов гранат, я не знаю.

Совершенно не помню, как меня нашли, как поднимали и затаскивали на борт одного из катеров.

Помимо замутненного сознания у меня что-то похожее

на вертиго. Знаете, что такое «вертиго»? Это не заболевание, а всего лишь симптом. Приступообразно возникающее вестибулярное головокружение. Насколько я силен в медицине, оно развивается при поражении периферического и центрального отделов вестибулярного анализатора. Меня не кисло потрянуло при взрывах гранат, вот у аппарата и поехала крыша. Как правило, сильное головокружение сопровождается тошнотой, рвотными позывами, учащенным сердцебиением, повышенной потливостью...

Приступы отпускали, а сознание медленно возвращалось, когда флотилия катеров подходила к берегу. Звуков я не различал, но сквозь приоткрытые веки стала пробиваться расплывчатая полоска света. Что-то неузнаваемое хаотически перемещалось вблизи, постоянно меняя форму и обличье. Подернутое пеленой зрение никак не могло восстановить былую резкость и остроту, но пока я не понимал и этого.

Прошло не менее пяти минут, прежде чем мозг отогнал наваждения и приступил к восстановлению функции, поочередно включая в работу чувства, память, способность мыслить...

«Что произошло? Что со мной случилось?..» – непонятно у кого спрашивал я.

Ответов не было, однако постепенно беспорядочно разбросанные в затуманенной голове обрывки беготни по ночному городу и отдельные эпизоды подводной схватки начали склеиваться в строгую последовательность. Счастливая на-

ходка золотой цепи с бриллиантами, слезка, облава, погоня, схватка под водой в пятистах метрах от берега...

Я лежал на мягком диване лицом вверх. В тело возвращалась чувствительность, однако не успел я этому обрадоваться, как ощутил боль в висках, ухающую при каждом ударе сердца. Вида я не подал, так как до слуха донеслись чьи-то слова...

– Мы у причала. Ты связался с боссом?

– Да.

– Что дальше?

– Он приказал доставить его к нему домой.

Кто-то прикрикнул:

– Ну чего рты раззявили?! Взяли и понесли на берег!..

Несколько человек подхватили меня, неловко перетащили с катера на причал и понесли...

* * *

Когда причал остался позади, а под ногами парней зашуршала галька, я окончательно пришел в себя. В висках все еще ломило, но способности мыслить и двигаться полностью вернулись.

– Дайте-ка я сам, – отпихнул я «санитаров».

Те отпустили мои ноги, позволив идти самому, однако руки по-прежнему оставались в их плену. Двое сопровождали по бокам, третий подталкивал сзади, четвертый шагал впе-

реди.

Мы пересекли полосу пляжа, поднялись к стоявшим на пешеходной улочке автомобилям. Возле них отирались молодые парни. Вероятно, именно они некоторое время назад гонялись за мной по городу, перекрывая улицу за улицей.

Проходим мимо группы молодых людей. Узнаю среди них тех, кого уложил в короткой схватке на пляже. В руках сигареты, на лицах одухотворенное выражение типа «щаз бы по пиву, потом по морде дать-получить».

Меня подводят к здоровому черному «мерину», пригнув голову, заставляют сесть на заднее сиденье. Подчиняюсь, ибо мышцы пока не в форме – ноги ватные, в теле ощущается общая слабость.

Слева и справа подсаживаются конвоиры. Впереди устраиваются еще двое.

Несколько фраз по поводу маршрута движения, и «мерс», поелозив по брусчатке, плавно набирает скорость. Мы выезжаем на Курортный проспект, поворачиваем на восток и мчимся в неизвестность...

* * *

Хамить молча – настоящее искусство. Особенно его велело применять к людям, уверенным в своем праве хамить и дерзить другим. К примеру, школьным учителям, разного рода начальникам, чиновникам всех мастей и рангов. Ну и,

конечно, полицейским. Куда же без них?

Данное искусство требует собственного достоинства, умения сохранять невозмутимость, а также хорошо развитых мимических мышц. Главное – четкий психологический настрой и вера в то, что твой оппонент – идиот, сволочь и полное ничтожество. У него над тобой власть. Но она временна...

Когда этакий субъект начинает на тебя наезжать, а ты волею обстоятельств не можешь съездить ему в рыло, то ни в коем случае нельзя злиться. Надо четко выражать мимикой лица определенную последовательность эмоций.

К примеру, в первом случае можно «нарисовать на лице удивление: «Ой, блин, ОНО говорящее!»

Во втором – недоумение и брезгливость: «Экая мелкая противная тварь. Поглядите, она еще что-то бубнит!..»

В третьем случае ваша мимика должна выразить всеобъемлющее любопытство: «Ого! Смотрите, как интересно, – кусок говорящего дерьма!»

В четвертом – терпение и снисходительность: «Раз уж оно прилипло к моей обуви, то давайте послушаем, что оно там твякает?»

В пятом случае следует на минутку представить себя врачом-психиатром: «Да-да, продолжайте, пожалуйста, я внимательно слушаю!» При этом хорошо бы смотреть не в глаза оппоненту, а на его рот, с пристальным научным интересом изучая действие артикулирующего аппарата. Ну, типа прок-

толога, к которому на прием пришла говорящая жопа.

Если у вас все получится, то собеседник будет уничтожен в своих собственных глазах. Он может угрожать вам чем угодно: штрафом, уголовным делом, высылкой из страны и даже гильотиной, однако внутри будет чувствовать себя именно говорящей какашкой. И ничем иным.

К чему я об этом вспомнил? Да к тому, что меня привезли в элитный жилой район, расположенный рядом с санаторием «Искра» – есть такой к юго-востоку от Сочи по соседству с Мацестинской долиной. Раньше тут функционировал санаторий имени Орджоникидзе, а теперь – чуть ближе к отрогу – обосновались новые русские. Трех- и четырехэтажные виллы, похожие на миниатюрные дворцы; ровные дороги из свеженького асфальта, голубые бассейны, пальмы, дорогие лимузины, охрана... Одним словом, местная «Рублевка».

В одну из таких вилл мы и приехали.

Подталкиваемый в спину местными охранниками, я проследовал по идеально выложенной брусчатке, поднялся по ступенькам мраморного крыльца. Вошел в огромный холл на первом этаже...

Посматривая по сторонам, я пытался понять, кто является хозяином «скромного шалаша». Кто-то из московских чиновников? Или один из воров в законе, облюбовавших Сочи для постоянного проживания?.. Гадать было бессмысленно.

«Сейчас все прояснится, – решил я про себя. – Лучше сделать пару глубоких вдохов, успокоить нервную систему и

приготовиться к разговору...»

Впрочем, и этого сделать не получалось. Я попросту не знал, зачем и к кому меня сюда привезли и о чем пойдет речь...

Миновав просторный холл, я с конвоем поднялся по роскошной лестнице. Второй этаж поразили еще большим величием: широкие коридоры, уставленные вазами и статуями в полный рост; высокие потолки с лепниной; паркет из ценных пород дерева...

В одной из огромных комнат, в центре которой стоял миллиардный стол, в кресле сидел мужчина лет сорока пяти в полосатом махровом халате. Лицо обыкновенного зажавшегося чинуши неопределенной национальности. Среднего роста, с грузноватой фигурой и отвислым брюшком, с седыми висками и усталым выражением лица.

Чиновник? Депутат? Или вор в законе? Впрочем, все они из одной оперы. Назову его вором – так короче. И точнее.

Покачивая бокалом с алкоголем коньячного цвета, вор поднял на меня тяжелый взгляд и проговорил неприятным скрипучим голосом:

– Поймали? Наконец-то... Я уж думал, тебя попросту придется пристрелить.

– Не подскажите ли, за что? – невесело поинтересовался я. – А то третий день мучает любопытство.

– Сейчас узнаешь...

Жестом он приказал опричникам подвести меня ближе.

Осмотрев с головы до ног, усмехнулся и принялся рассказывать о том, как нехорошо я поступаю, разыскивая на пляжах города потерянные честными людьми дорогие вещи...

Вот тут я и вспомнил о молчаливом хамстве.

А что еще оставалось делать, когда за спиной стояло пятеро охранников и у каждого в руке поблескивал готовый к стрельбе ствол?..

* * *

Реакция неизвестного мне типа была предсказуема. Однако тип оказался выдержанным и неглупым: быстро сменив тактику, он перешел к конкретике.

– У меня есть сведения, что ты нашел на побережье некую золотую цепь. Это так?

«Откуда у него эти сведения? – лихорадочно искал я ответ, пока не вспомнил: – Сашка! Мой друг детства Сашка! Вот же сучий прохвост! Только он видел у меня эту цепь. И только он мог о ней проболтаться!..»

Так, источник утечки информации выяснен. Теперь дальше.

С цепью расставаться решительно не хотелось. Жалко было цепь. Все ж таки я рассчитывал отвезти ее знакомому краснодарскому ювелиру и выручить сумму, равнозначную годовой выручке с моего пляжного промысла.

Исходя из этого, я не спешил открывать рот.

– Ты не слышал моего вопроса? – ехидно ухмыльнулся вор.

Молчу. Имею полное право не слышать после контузии.

Вор кивает кому-то из телохранителей, и я, даже не успев напрячь мышцы, получаю кулаком по правой почке.

Старательно скрываю боль. Ни одна мышца на моем лице не должна выдать истинных ощущений.

Левая бровь сидящего в кресле типа изламывается. Он немного удивлен.

Следующий жест. И сзади прилетает сильный удар по трапециевидной мышце, занимающей всю верхнюю часть спины вплоть до затылка.

Это очень больно. Телохранители хорошо знают свое дело.

Правая рука на несколько секунд отнимается и висит бесчувственной плетью. Но я терплю и вновь стараюсь не подать вида.

Воровской лоб покрывается морщинами оттого, что изламываются обе брови. Удивление хозяина роскошной виллы нарастает.

Третий удар приходится на коленный сустав правой ноги. Острая боль простреливает аж до плеча; колено не держит, но я устоял, перенеся нагрузку на левую ногу.

И опять в просторной комнате не слышно криков, стонов или проклятий. В комнате гробовая тишина, нарушаемая лишь размеренным постукиванием маятникового меха-

низма огромных напольных часов.

Прикрываю на пяток секунд веки и использую старое испытанное средство, не раз помогавшее отодвинуть болевой порог. Для этого представляю образ боли в виде раскаленного металлического прутка, пронзившего мою плоть. «Вот инородное тело понемногу остывает и, трансформируясь, уменьшается в размерах, подобно таящему куску льда. Вот тяжелый и зазубренный металл превращается в гладкую, теплую пластмассу. Затем становится мягкой бумагой и, наконец, как воздух – окончательно теряет вес и объем. Боль послушно уходит из тела. Уже легчает и можно думать о другом...»

Боль действительно уходит.

Сзади снова кто-то подходит вплотную, но вор властным жестом останавливает подчиненных.

– Довольно. Он умеет терпеть боль, а калечить его пока рано.

Человек отступает на несколько шагов. А я с облегчением перевожу дух и краем глаза смотрю на того, кто наносил мне удары.

Кажется, это тот мужик, которого вор называл начальником своей охраны.

Надо бы его запомнить. Пригодится на будущее. Смуглая рожа, чуток раскосые глаза, густые черные волосы... Явно из Закавказья.

«Ладно, Автоген Автовазович, – проговариваю про се-

бя. – Попозже мы с тобой побеседуем...»

Глава шестая

Российская Федерация; Сочи

Настоящее время

Тяжело поднявшись с кресла, вор подхватил со столика открытую бутылку дорогого коньяка, плеснул в два бокала и, подойдя ко мне, предложил выпить.

– Держи. Как твое имя?

– А ваше? – опрокинул я в рот обжигающий алкоголь.

– Можешь называть меня Аристархом Петровичем.

– Евгений Арнольдович, – представился я, не видя смысла скрывать элементарное. Все, что этому товарищу было нужно, он наверняка давно выяснил.

– Позволь узнать, Евгений Арнольдович, кто ты такой?

Пожимаю плечами:

– Обыкновенный человек. Пенсионер.

– Слишком молодой для пенсионера. Значит, бывший военный. Я примерно так и думал.

– А вы?

– Что я?

– Кто вы такой?

Прихлебывая коньяк, он посмеивается. Похоже, моя наглость его забавляет.

– Я вор в законе, – самодовольно говорит он, подливая в

опустевший бокал алкоголь. – Свои люди кличут меня Ариком. Но для тебя я – Аристарх Петрович. Если поведешь себя правильно, разрешу называть просто по имени.

«Польщен. И буду стараться, – ворчу про себя. – Странный ты вор в законе. Разговариваешь правильно – почти не используя фени. Живешь открыто, не таясь, – видно, давно нашел общий язык со всеми местными администрациями, депутатами, ментами и прочим «товаром на продажу»...»

– Так что, Евгений Арнольдович, – продолжает он, – по хорошему договоримся?

– О чем?

– Золотая цепь с вкраплением бриллиантов, в принципе, меня почти не интересует. Так... самую малость... Ценность этой вещицы для меня в другом – в маленьком и простеньком крестике из алюминия. Надеюсь, заметил такой? Золото высшей пробы глаз не замутило?..

Данное уточнение меняло дело. Если, конечно, стоящий передо мной грузный мужичок не врал, пытаюсь выяснить главное: в моих ли руках находится ценная вещица. В пользу правдивости озвученной им версии говорил весь окружающий антураж. Огромная вилла на ухоженном участке, великолепная обстановка, обилие дорогой техники, вышколенная охрана... Что для владельца этих апартаментов стоимостью в несколько миллионов долларов значит какая-то старенькая цепь, хоть и с вкраплением бриллиантов? Ровным счетом ничего. Так... дешевая безделушка. К тому же в углу

огромной залы я заметил пару икон с ликами святых.

– Да, – ответил я, – крестик действительно имеется.

– Он цел? – оживился вор.

– А куда ему деться? Вы верующий?

Одна из его куцых бровей вновь слегка изогнулась.

– Да, верующий. Я помог местной епархии построить храм и продолжаю жертвовать им деньги. А ты разве не веруешь в бога?

– Насчет бога – не уверен. Я верю в порядочных людей.

– О как. Ну-ка изложи подробнее. Может, и я приму твою веру?..

– Пожалуйста. В прошлом веке в сорок первом году польский священник Максимилиан Кольбе оказался в концлагере Освенцим. После побега одного из заключенных заместитель коменданта лагеря отобрал десятерых узников, которые должны были за этот побег умереть голодной смертью. Один из обреченных – польский сержант – стал рыдать, выкрикивая имена своей жены и детей. Кольбе вышел и предложил себя вместо сержанта. Комендант принял его жертву. В камере, куда бросили умирать десятерых заключенных, священник продолжал поддерживать собратьев по несчастью – молитвой и песнями. Спустя три недели он оставался жив, и нацисты решили ввести ему смертельную инъекцию. В восьмидесяти годах Максимилиана Кольбе причислили к лику святых. В таких священников я верю.

– И много ты встречал таких по жизни?

– Бывало, – уверенно ответил я.

– Ты интересный собеседник. А это в наше время большая редкость, – улыбнулся он. И вернул разговор в прежнее русло: – Так что с ценной находкой? Мы договоримся?

– Каким образом?

– Ты приносишь цепь. Крестик я забираю себе – это память о моих предках. Единственная вещица, оставшаяся от них... царство им небесное, – перекрестился он, глядя в угол с иконостасом. – Кстати, цепь мне придется тоже забрать. Извини, но операция по твоей поимке отняла много средств и времени – все это требует компенсации.

На сей раз настал мой черед удивляться.

– А что же останется мне?

– Как что?.. Жизнь.

– Жизнь?

– Да. И согласишься, это не так уж и мало.

– А если не соглашусь?

– У тебя нет выбора, – сухо отрезал он. – Если мы не договоримся – живым ты отсюда не выйдешь.

Последнюю фразу сопровождал двойной щелчок пистолетного затвора, прозвучавший за моей спиной.

«Доходчиво. И недвусмысленно, – с грустью подумал я, мысленно прощаясь с самой ценной находкой, которую посчастливилось найти на местных пляжах за целый год изысканий. – Как говорится: бог дал, бог взял. И вообще... такое впечатление, словно я когда-то все это пережил. И вот



Покинув миниатюрный дворец, мы уселись в солидный лимузин с мигалкой на крыше. Водитель с Автогеном Автовазовичем – на передние сиденья; Аристарх Петрович и я – на роскошный задний диван.

– Адрес? – коротко изрек вор.

Я назвал улицу и номер дома.

Начальник охраны тут же передал по миниатюрной радиостанции данные в головной автомобиль с четырьмя телохранителями. К слову, два таких же автомобиля выехали из открывшихся чугунных ворот следом за нами.

«Внушительное сопровождение, – подумалось мне. – И что за жизнь у этих нуворишей? Наворуют, а потом чахнут над своим золотом, трясутся от страха...»

Кортеж неспешно прокатил по кривым улочкам местной «Рублевки», вырулил на Курортный проспект, включил мигалку с сиреной и помчался вдоль побережья на северо-запад – в направлении моего дома.

Ехали молча, глядя в разные стороны. Не знаю, о чем думал переодевшийся из халата в нормальную одежду вор в законе. Полагаю, радовался тому, что нашлась утерянная цепь с заветным алюминиевым крестиком. Или строил планы, как и где урвать очередной кусок из бюджета.

Мне же приходилось думать о другом...

«Стоит ли верить прожженному негодяю? Сдержит ли он слово? Отпустит ли? Что-то сомнительно...»

Ближе к центру на Курортном проспекте движение стало плотнее. Водитель лидирующего автомобиля постоянно кричал громким сигналом, нагло оттирал попутный транспорт ближе к обочине, регулярно вылетал на встречную полосу. Ну еще бы! Ведь сзади ехал членовоз с боссом, мигая синим проблесковым маяком и оглашая округу сиреной.

На крутом повороте трассы, огибающей стадион, наш кортеж слишком жестко оттеснил вправо пару легковушек, отчего первая задела боковое ограждение в виде высокого бордюра, а ехавшая следом врезалась в ее корму.

Никто из пассажиров лимузина даже не повел ухом. Кортеж мчался дальше, словно подобная езда была обыденным делом, нормой.

– Да-а, – вздохнул я, оглядываясь на дорожно-транспортное происшествие. – Всей мрази по мигалке, а рядовым гражданам – санузел, телевизор и библиотеку в машину, чтобы не скучали в пробках.

– Что-что ты там провякал? – неохотно отозвался сидящий рядом вор.

– Не провякал, а сказал. О том, что в свой последний путь великий старик Лев Толстой отправился в вагоне третьего класса вместе с разночинным людом. Видимо, считал неприличным ехать в комфорте первого.

Аристарх Петрович с интересом посмотрел на меня и даже слегка развернул в мою сторону грузное тело.

Я же с язвительной улыбочкой закончил:

– Деньги наверняка у него были – и на первый класс, и на карету с мигалкой. Просто в те времена еще существовали понятия совести, чести, порядочности.

– Да ты, оказывается, якобинец! Гладко вещаешь. Сам придумал?

– Нет. Книжки читаю.

Перед очередным мостом сворачиваем вправо – в царство частного сектора.

Прошу безо всякой надежды:

– Нельзя ли выключить «гирлянду» с «балалайкой»?

Водитель с начальником охраны проигнорировали мою просьбу. Зато вор с улыбкой спросил:

– Раздражает?

– Да. И не хочу позориться перед соседями.

– Выключи, – распорядился Аристарх Петрович.

До дома, где располагалась моя скромная комнатуха, мы ехали в тишине. Как простые смертные...

* * *

Машины останавливаются напротив знакомой калитки. Появление столь представительного кортежа, составленного из дорогих иномарок, вызывает естественный интерес сосе-

дей и, разумеется, моей квартирной хозяйки.

– Тебя проводят мои люди, – предупреждает вор. – И без глупостей, Евгений Арнольдович. Иначе ты просто умрешь...

Покидаю салон под присмотром начальника охраны и одного из его архаровцев. Заходим в уютный дворик.

– Здравствуйте, Альбина Михайловна, – киваю вышедшей навстречу женщине.

– Евгений, я же просила не водить знакомых, – растерянно вытирает она руки о фартук.

– Я должен отдать кое-какие документы, и мои коллеги сразу же уедут, – успокаиваю хозяйку.

Ответ ее удовлетворяет.

Поднимаюсь по лестнице на чердак. Вытащив из тайника цепь, бросаю Автогену Автовазовичу.

– Держи.

Он ловит блеснувшую на свету золотую цепь. Затем внимательно осматривает ее, считает бриллианты, крутит в пальцах маленький крестик...

Наконец, ехидно улыбнувшись, кладет ее в карман и кивает на дверь:

– Пошли.

– Куда?

– К боссу.

– Зачем? Я вернул его цепь и свободен.

Он делает ко мне шаг со словами:

– Когда босс прикажет, тогда и будешь свободен...

«Это уже слишком, – решил я. – Сызмальства не люблю обман, коварство и несправедливость. А данная ситуация пахнет нарушением договоренности».

Пора было ставить точку.

* * *

Задача была простой: расправиться с парочкой амбалов быстро и по возможности бесшумно. Иначе сюда прибежит хозяйка, включит истерику и причитания. А на ее визгливый голос сбежится вся округа, включая вооруженную банду Аристарха Петровича.

Находясь слишком близко, мои провожатые не успели выхватить пистолеты. Ну а дальше я работал не напрягаясь и, можно сказать, вполсилы: легко уходил от ударов, четко встречал противника и агрессивно атаковал. Удары моих увесистых кулаков приходились то по корпусу, то в голову не столь проворных телохранителей.

Да, с виду они были высоки, широкоплечи, кряжисты. Но я-то отлично знал, что эти неплохие качества мужской фигуры еще не означают наличия бойцовских навыков. Тем более что начальник охраны выглядел не самым лучшим образом: около сорока лет, десяток килограммов лишнего веса, серое лицо, мешки под глазами...

Всего через несколько секунд нашей схватки нижнейю

часть лица рядового телохранителя заливала кровь. А Автоген Автовазович стоял на карачках у дальней стены и невнятно мычал, пытаясь принять вертикальное положение.

Еще пять секунд мне понадобилось для проведения отменной серии ударов. Оставшийся соперник ковырнулся с ног, неловко завалился набок и принялся кашлять. Из прокуренных легких под отбитыми ребрами вместо чистого дыхания изрыгались отрывистые хрипы и приглушенные стоны.

Двумя последними ударами вырубая оппонентов. Это ненадолго – мне нужно выиграть пару минут, чтобы смыться. Просто и навсегда исчезнуть из этого города.

Выгребаю из основного тайника все деньги с ювелирными украшениями. Спускаюсь в комнату, хватаю документы; забрасываю в сумку какую-то одежду. И, распахнув окно, прыгаю вниз...

* * *

Если час-полтора назад я гонялся по улочкам Сочи, нервно гадая, что хотят от меня господа преследователи, то отныне моя задача сводится к элементарному бегству. Отныне мне все понятно: уйду от погони – выживу; не уйду – лежать мне под каким-нибудь серым камушком без эпитафии и овального портрета.

Мое исчезновение обнаружилось быстро. Во всяком слу-

чае, погоня за мной началась ровно в тот момент, когда я перемахнул через забор и оказался на территории соседнего участка.

Едва приземлившись на ноги, я услышал за спиной требовательные окрики.

«Застукали!» – понял я. И помчался к соседской калитке...

Опять беготня, облава, перекрытые улочки и проулки...

Небо на востоке приобрело фиолетовые оттенки, а меня снова оттесняли к пляжам, не давая прорваться к горам и к объездной трассе вокруг Сочи.

Чудаки! Вероятно, они наивно полагали, что в горах я буду чувствовать себя в большей безопасности, чем в море.

Курортный проспект пришлось пересекать в малоизвестном местечке – напротив дендрария. К своему стыду, за четырнадцать прожитых месяцев на местном курорте здесь я побывал лишь однажды, да и то после трех литров выпитого пива.

Теперь несущаяся за мной толпа была настроена более решительно. Трижды за спиной звучали выстрелы; одна из пуль щелкнула по стволу дерева в метре от меня. Я понял красноречивый намек и прибавил скорость...

Задумка Аристарха Петровича стала понятной, когда мне не дали выскочить из дендрария на тянущуюся вдоль пляжей Черноморскую улицу. Здесь скопилось несколько автомобилей, а охранники вора в законе растянулись вдоль ули-

цы плотной цепью. Суть плана состояла в том, чтобы прикончить меня в огромном парке, где сложный рельеф и густая растительность неплохо заглушали звуки выстрелов.

«Пруд! – припомнил я единственное посещение красивого местечка. – Где-то здесь есть небольшой пруд!..»

Услужливая память сама запустила «перемотку назад». Восстановив примерный план дендрария, несусь к его восточной окраине...

Под светлеющим небом различаю ровную гладь подковообразного водоема. Его длина не более ста метров, ширина и того меньше. О глубине не имею ни малейшего понятия. Посередине торчит круглый островок с белеющей скульптурой Нептуна.

В руках у меня сумка с вещами, документами, деньгами и золотым уловом за последний месяц работы.

Подбегая к берегу, ищу укромное местечко для поклажи – не тащить же все это в воду!

Сзади слышен топот и снова щелкает выстрел.

Все, времени нет. Сунув сумку под густой куст акации, прыгаю в воду.

* * *

Оказавшись в воде, я трижды пожалел о том, что не сумел добраться до берега моря.

Во-первых, размеры водоемчика, мягко говоря, смущали.

Моим преследователям даже не нужен был катер, чтобы достать меня выстрелами из пистолетов с берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.